

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

НЕИСТОВЫЙ БОНДАРЕНКО

Владимиру Григорьевичу Бондаренко семьдесят пять. Боже мой, милый друг Володя! Где они, твои шальные, весёлые, жадно вззирающие на мир глаза? Такие глаза бывают у новорождённого ребёнка, которому важно и интересно всё: и звук, и цвет, и аромат, и любая тень, и любой луч. Таким ты предстал передо мной много-много лет назад, почти юнец, прибывший в Москву из сосновой и синеозёрной Карелии.

Сейчас твои глаза помудрели, в них появилась печаль, разочарование, но на самом их дне всё те же сверкающие искры твоей молитвенной любви, которую ты несёшь через всю свою жизнь и которая, как крылья, несёт тебя в русском небе. Это любовь к русской словесности, к русскому божественному слову, к России, загадки которой отгадывали и отгадывают самые мудрые, самые просветлённые люди нашей земли. Для тебя эта отгадка лежит в сокровенном русском слове. Ты обожаешь русскую литературу. Ты её жених, ты с ней повенчан. Сколько прекрасных статей, книг написал ты о великом явлении – нашей деревенской литературе. Ты воспел каждого из златоустов: и Распутина, и Белова, и Астафьева, и Носова, и Личутина, и изумительного Рубцова, и Кузнецова, и Тряпкина. Ты, как драгоценный камушек, сверкаешь в этом могучем русском потоке. И все, о ком я говорю, все тебя любили, иногда журили, часто – учили своим художеством, своим великим стоянием.

Ты, дорогой Володя, – столпник русской литературы. Всю жизнь ты простоял на этом столпе. Вокруг тебя бушевали недруги, враги, отъявленные русофобы, они приносили к порогу твоего дома, к основанию этого столпа мешки с гнилыми костями. Ты был для них красно-коричневым, был фашистом, был изгоем, нерукопожатным. Но в тебе никогда не было ненависти, ты никогда не хотел мстить. Ты знаешь нечто такое, чего не знают многие из нас, в том числе и я. Твоя неистовость, твоя ярость совместимы с удивительной кротостью, чистотой и добродушием. “Добро должно быть с кулаками”, – повторял ты куняевские хрестоматийные строки. Но кулаки должны быть добрые – это твой толстовский взгляд, взгляд православных подвижников на мировое зло.

Незабываемы наши литературные посиделки, которые ты устраивал у себя в подмосковном посёлке “Правда”, где обитал тогда, – молодой, входящий в литературу критик. Как славно собирались мы у тебя: самонадеянные, мечтающие о славе, выпустившие свои первые книги. Это там, на “Правде”, образовался литературный кружок, который потом стал называться “Клубом сорокалетних”. Ты – его создатель и вдохновитель. Ты, самый молодой из нас, был нашим старостой. Какой это был интересный, важный период не только русской литературы, но и русской исторической мысли.

Русская литература тогда была трёхкрылой. У неё было три крыла, и каждое, казалось, летело отдельно, а всё вместе – это и была птица русской литературы. Одно крыло – исконное, глубинное, то, которое искало правду, вынашивало русскую идею и в наши годы именовалось деревенской литературой. Другое крыло, именуемое городской литературой, было детищем западников, его пестовали “шестидесятники”, оно и состояло из литераторов–“шестидесятников”. И третье крыло – так называемая секретарская литература. Оно состояло из вельможных, приближённых к Союзу писателей художников, отстаивающих традиционные советские ценности.

Среди этих трёх течений мы хотели создать свой особый литературный мир, отличный от первого, второго и третьего. Тогда в Доме литераторов, в его шумном Пёстром зале, где гремели чарки, шумели поэты, которые мерились величием, мы собрались за отдельным столиком и решили написать своеобразный манифест, сформировать своеобразное литературное общество, которое было бы не городским, не деревенским, не секретарским. И ты стремился создать новую литературную идеологию, созвучную настроениям этого кружка.

Но оказалось, что само наше общество эфемерно. Когда страшная пила прошлась по нашей Родине – Советскому Союзу, – она разрешила не только пространство, не только судьбы, но и литературные направления. Наш литературный кружок распался: одни примкнули к западникам, другие – к славянофилам, и ты был не в силах удержать две эти разлетающиеся галактики. Конечно, ты был там, где слово “русский” произносилось торжественно и молитвенно, а не там, где это слово подвергалось поруганию и насмешкам. Ты был с нами, с теми, кто потом создавал и питал своими духовными силами газету “День”. Ты привёл в наш “День” писателя Эдуарда Лимонова. Тот только что вернулся из эмиграции, был осторожен, осматривался, прислушивался. Ты был его поводырём, ты публиковал его рассказы в газете “День”, а потом привёл на нашу шумную вечеринку. И боже мой, какие выкрутасы только он не увидел в нашей буйной русской среде едва вернувшихся из воюющего Приднестровья!

Это ты после пожара 1993 года, после разгрома парламента и закрытия газеты “День” привёл в возрождённую из праха газету “Завтра” советских диссидентов Максимова и Синявского, и они публиковали свои статьи, гневные упрёки в адрес демократов, спаливших в костре Дома Советов свою иллюзорную демократию. Они, эти диссиденты, печатались в нашей “краснокоричневой” газете.

Ты утончённый знаток русской литературы, поэтому тебя приглашают в Китай, и ты в лучших китайских университетах читаешь лекции о русской словесности. Это ты, побывав в Америке, познакомил меня с удивительным человеком – Григорием Климовым, автором злых, едких, полных сарказма и ненависти книг. Ты ввёл Климова в оборот тех бурных литературных событий.

Ты чувствовал русскую литературу как целое, как огромную галактику и стремился связать две её разорвавшиеся в 1991 году половинки. Ты бывал в салоне Александра Солженицына и стремился примирить его с той частью русской культуры, которая была отвергнута демократами и преподносилась как скопище антисемитов и бездарных ксенофобов. Ты писал свои замечательные статьи об Иосифе Бродском, имя которого ты пытался вырвать из цепких лапок либеральных критиков. Ты стойкий и подвижник.

Помню, когда ты ложился в клинику и тебе делали коронаграфию, я просил тебя привезти из клиники репортаж. И, лёжа на операционном столе, в минуты, когда в твоих артериях гулял медицинский зонд, вбрызгивая тебе в кровь эмульсию, ты думал о литературе, и твой репортаж с операционного стола был не просто медицинским, он был литературным.

Чем стала бы газета “День”, чем стала бы газета “Завтра” без тебя? Какие восхитительные вечера готовил ты, приглашая на них лучших светочей наших грозных лет! И я любовался тобой, когда ты выходил на трибуну, освещённый огнями. Зал приветствовал тебя, и ты наивно и счастливо улыбался, получая это признание. Сколько интересных идей, интересных материалов приносил ты в нашу газету! Как грозно кричал на всех нас, топал на меня ногами, обвиняя в недостатке любви к русской словесности!

В самые страшные годы – в 1991 и в 1993 – ты был на посту. Когда горел жуткий пожар в центре Москвы, когда танки стреляли по русскому парламента,

когда ставили крест на том, что тогда называли демократией и свободой, мы, спасаясь от гонений, бежали с тобой в леса, в избушку к Личутину. Мы уходили от погони, меняли машину на машину, электричку на электричку, автобус на автобус и потом, в эту горькую дождливую осень, мы сидели у Личутина, пили водку, плакали, пели, глядя, как арестовывают и ведут на расправу наших друзей. А через несколько дней, когда в мрачной Москве ещё господствовало военное положение и сновали по улицам БТРы, мы были уже дома и приняли решение продолжать выпуск нашей газеты. Мы отпечатали нашу газету “Завтра” в Восточной Сибири, в Красноярске и потом везли её через эти огромные пространства. Ночью доставили в Москву и, боясь преследования, таскали пачки газет на себе, переноса из вагона в машину. И наутро народ узнал из первого номера газеты “Завтра” о чудовищных фактах разгрома Дома Советов.

Нас так мало осталось от той поры. И всё меньше и меньше. Быть может, скоро настанет день, когда некому будет сказать: “А помнишь?..”

Ты помнишь, Володя, какой прекрасной и восхитительной была наша жизнь? Каких женщин мы любили! Какие букеты дарили нам наши обожатели! Какое чудное вино вкушали мы, сидя за нашим братским столом!

Трогаю множество твоих книг, стоящих на книжной полке. И каждая из них — тёплая и душистая, как русская печка. Я греюсь подле них в ледяные, холодные часы моей жизни. Ты для литературы то же, что журнал “Наш современник”. Ты хранитель великих русских литературных заповедей, весталка, сберегающая священный огонь, ибо ты сам — человек огня. Ты огненный и светящийся.

Обнимаю тебя, мой друг, целую. Поднимаю за тебя заздравную чашу.

*Среди острова Буяна,
Среди горестей и мук,
Среди чёрного бурьяна
Расцветает синий луг.*